

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иозефович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редактор А. Н. Стоянов.

Главная контора газеты в Харькове, на Московской улице, в доме Императорского Университета, № 7, при „Публичной Библиотеке“ Александра Александровича Иозефовича, принимает подписку и объявления; открыта в будни от 9 час. утра до 7 час. вечера, а в воскресенье и праздничные дни от 11 до 4 час. дня.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 30.

ХАРЬКОВЪ, СУБОТА 31 Января (12 Февраля) 1881 года.

ГОДЪ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЖЕЛЕ „ЮЖНОГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“, 1881 ГОДА.

Издание А. А. Иозефовича, под редакцією А. Н. Стоянова, при ближайшем участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО, а въ понедѣльники и дни послѣпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

Телеграммы. II. Руководящая статья по вопросамъ внутренней и внешней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣйствія правительства. IV. Внутреннія новости: а) городская и земская хроника, б) корреспонденція. V. Обзорніе газетъ и журналовъ. VI. Политическое обозрѣніе. VII. Вѣдѣнія корреспонденціи. VIII. Сѣверъ. IX. Виревая хроника. X. Календарь. XI. Справочныя свѣдѣнія. XII. Судебная хроника. XIII. Фельетоны научнаго, литературнаго и художественнаго. XIV. Объявленія.

Условія подписки:

Безъ доставки	10 р. 50 к.	На 3 мѣс.	3 р. 50 к.	На 1 мѣсцѣ	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ „	6 р. „	4 „ „	4 „ „	1 „ 40 „
Съ перес. погород.	12 „ „	7 „ „	4 „ „	4 „ „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждаго срочъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ к. Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотеке“ А. А. Иозефовича; ТАЖЪ ЖЕ принимаются ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Новое Время“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ П. И. Шапошникова; въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Вольфа; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Родивенца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ—у Navas, Lafite et Co, 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Большой Дмитровскій въ домѣ Вучкова, въ Петербургѣ—въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

Главная контора газеты проситъ Г. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газеты.

СТАРИШНЫ КОММЕРЧЕСКАГО КЛУБА

извѣщаютъ, что въ залѣхъ клуба назначены вечера въ слѣдующіе дни:

- 1-го февраля, въ воскресенье, маскарадъ.
- 2-го февраля, въ понедѣльникъ, маскарадъ съ участіемъ мажика Арриоти.
- 3-го февраля, во вторникъ, семейный вечеръ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Харьковъ. 30-го января 1881.

Значеніе для города промышленно-техническаго музея. И. Фесенко.

О преподаваніи математики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Л. Д. Деларю.

Телеграммы (отъ сѣв. корресп.). „Южн. Край“ и „Международ. телегр. агентства“.

Истѣсная хроника: Панихида по О. М. Достоевскому.—Концертъ г-жи Есиповой.—Санитарной комиссіи.—Отчетъ харьковской таможен.—Очистка крышъ отъ снѣгу.—Дѣны на продажу первой необходимости.—Письмо въ редакцію.

Внутреннія вѣдѣнія: Корреспонденція „Южная Край“ въ Умань и Елисаветградскую уѣзды.—Предлагаемая преобразованія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Комиссія для обсужденія сахарнаго дѣла.—Открытие въ медицинѣ.—Подкупъ присяжныхъ засѣдателей.—По дѣлу Кашеверовой-Рудневой.—Докторскіе экзамены.—Преобразование въ медицинско-хирургическаго академіи.—Изъ николаевскаго уѣзда.—Изъ Ялта.—Новая газета.—Вероссийская ма-

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ.

Новость опернаго театра—постановка „Демона“ А. Рубинштейна.

Толки, предшествовавшіе постановкѣ оперы, ея заманчивое названіе, популярность имени А. Рубинштейна, все это способствовало наполненію театра въ день представленія „Демона“, явившагося крупнымъ не только музыкальнымъ, но если хотите, и общественнымъ событіемъ среди провинціальной жизни, довольно скудной явленіями умственной и духовной дѣятельности общества. Естественно, что подобное событіе не должно пройти незамѣченнымъ и если опера эта далеко не новинка въ музыкальномъ мірѣ, то постановка „Демона“ совершенная новинка въ мѣстной хроникѣ опернаго театра и потому заслуживаетъ словъ, нѣсколько больше обычныхъ репортерскихъ замѣтокъ. Опера „Демонъ“, хотя и начинается дѣйствіемъ, но первая картина этого дѣйствія есть собственно прологъ, въ которомъ нѣтъ ни одного изъ людей, участвующихъ въ послѣдующей драмѣ; единственными дѣйствующими лицами или лучше сказать фигурами его являются Демонъ и Ангелъ, прочіе же невидимые голоса принадлежатъ стихіямъ и силамъ природы. Среди господствующаго на сценѣ хаоса и полумрака, чередуются голоса духовъ и стихій, сливаясь въ заключеніе въ общій хоръ славословія міра, торжественнаго гимна въ честь природы. Прологъ этотъ разработанъ нѣсколько слабо, а „космосъ“ понятъ и переданъ композиторомъ довольно правдиво, если считать правдивостью

то, что большая часть его темъ и цѣлѣхъ фразъ поистинѣ космополитны, такъ какъ принадлежатъ композиторамъ разныхъ націй: италянцы избѣгаютъ своимъ представителямъ Верди, русскіе довольствуются Рубинштейномъ, нѣмцы кусочками Вагнера и Мендельсона, очень разжиганнаго и особенно замѣтнаго въ хорѣ славословія, подобіе котораго не трудно слышать въ его ораторіяхъ или псалмахъ. Говорящій Демонъ въ первый разъ является глазомъ публики на сценѣ, съ которой и излагаетъ свое, такъ сказать, profession de foi въ довольно сильныхъ и высокихъ звукахъ; весь этотъ речитативъ или музыкальный рассказъ написанъ довольно удачно, ибо его мрачный характеръ, высокие звуки и рѣзкія слова мало внушаютъ симпатіи къ Демону, побранитъ котораго сейчасъ же и является Ангелъ; между ними идетъ оживленный споръ о томъ, что лучше—прощенье и любовь или свобода, знаніе и страсть, за которыя такъ крѣпко держится Демонъ, что отгорочный его упорствомъ Ангелъ улетаетъ, прозя Демону не касаться того, что „небу мило“. Эта сцена-дуэтъ, въ которой рѣчи Демона сопровождаются главнымъ образомъ фэготомъ, а Ангела—аккомпаниментомъ скрипокъ, по музыкѣ довольно скучна уже потому, что растягнута, а словесная турниръ злого духа съ добрымъ производитъ какое то комичное впечатлѣніе. Пѣніе Ангела до того монотонно и однообразно, что сильно равняетъ отъ тѣхъ „райскихъ напѣвовъ“, съ которыми связано у насъ представленіе объ ангелахъ. Дѣйствіе собственно начинается съ пѣсни гру-

нелось въ памяти; и то печально для русской мысли время, когда покойный началъ свою литературную карьеру; и то наслажденіе, которое доставляли отцамъ нашимъ и старшимъ изъ насъ его первыя повѣсти; „Горькая судьбина“, одна изъ лучшихъ (если не лучшая) русская драма изъ народной жизни, доказавшая несомнѣнно, что на горизонтѣ русской реальной поэзіи взошла новая свѣтлая звѣзда; и восторгъ, охватившій почти всю русскую интеллигенцію, безъ различія партій, послѣ появленія „Тысячи душъ“; и, наконецъ, громкое, трескучее паденіе недавняго кумира послѣ выхода въ свѣтъ „Валаамученаго моря“. Съ тѣхъ поръ прошло 17 лѣтъ, страсти улеглись; старые враги сошлись для одного общаго дѣла; настало время спокойной, объективной оцѣнки дѣятели и дѣяній 60-хъ годовъ. Когда на Пушкинскомъ праздникѣ, весной, большой, преждевременно одряхлѣвшій Писемскій выступилъ на трибуну передъ публикой, его встрѣтили и проводили рукоплесканіями—не за чтеніе его, которое и слышали весьма немногіе, а за имя автора „Горькой судьбины“, „Тюфяка“ и „Тысячи душъ“. А черезъ 8 мѣсяцевъ устроитель Пушкинскаго праздника, С. А. Юрьевъ говоритъ рѣчь на его могилѣ.

Какъ ни тяжело отозвалась вѣсть о его смерти, но вѣсть, которую намъ вчера принесъ телеграфъ, еще тяжелѣе, прежде всего по своей неожиданности. Писемскій былъ давно и серьезно боленъ; послѣдніе годы онъ жилъ мученикомъ, работалъ съ страшнымъ трудомъ; „свое слово“ онъ сказалъ уже давно, и въ послѣднихъ произведеніяхъ изъ живой жизни охотно уходилъ въ область давняго прошлаго. Фёдоръ Михайловичъ Достоевскій былъ моложе его на нѣсколько лѣтъ, скорѣй казался человекомъ среднихъ лѣтъ, чѣмъ старикомъ, будто 7 годовъ ссылки были вычертаны изъ его жизни. Если на Пушкинскомъ праздникѣ въ Писемскомъ почтили его великое прошлое, въ Достоевскомъ кромѣ того приветствовали могучую силу современной литературы и публицистики. И какъ привѣтствовали! Всѣмъ памятенъ тотъ положительный, „неистовый“ восторгъ, который возбудила его рѣчь въ молодежи. Рѣчь вызвала полемику; многіе изъ восторгавшихся устыдились своего увлеченія; но факты не бывають восторгомъ, полемики и реакціи достаточно громко говорятъ за себя. Чуть не надьяхъ вышло отдѣльнымъ изданіемъ новый романъ Достоевскаго „Братья

Карамазовы“; не надъ свѣжей, еще не зарытой могилы и не въ короткой газетной замѣткѣ взбѣивать его достоинства и недостатки; одно можемъ смѣло утверждать: какъ бы кто ни расходился съ авторомъ въ пониманіи задачъ нашего будущаго, никто не скажетъ, что, судя по этому роману, Достоевскій исписался, ослабѣлъ, какъ художникъ; романъ казался произведеніемъ таланта, только что достигшаго полной зрѣлости, когда прежніе недостатки сглаживаются, а оригинальные достоинства выступаютъ съ особенною яркостью.

Въ день смерти его въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ напечатано объявленіе о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ „Дневника Писемскаго“. Судя по опыту прошлаго, „Дневникъ“ не всѣмъ бы нравился, вызвалъ бы горячія возраженія и осужденія (да и что кромѣ безусловнаго ничтожества не вызываетъ ихъ?); но смѣло можно ругаться, что онъ читался бы на расхватъ и старцами и молодежью; каждый новый номеръ былъ бы литературно-общественнымъ событіемъ хотя бы, какъ это и прежде бывало, О. Достоевскій, брался за рѣшеніе вопроса, въ которомъ онъ вовсе не подготавливался. Намъ нуженъ былъ человѣкъ безусловно честный и откровенный (въ самомъ высокомъ значеніи этого слова), человѣкъ, своимъ многострадальнымъ прошлымъ и силой любви своей связующій юное поколѣніе. „Подорожковъ“ съ людьми шестидесятыхъ и даже сороковыхъ годовъ, человѣкъ, который своимъ чуткимъ сердцемъ такъ хорошо понималъ разнообразія страданія нашего общества, къ которому это общество могло увѣренно обращаться съ словами поэта:

Отъ ликующихъ, прально болтающихъ
Умывающихъ руки въ крови
Уведи ты насъ въ стагъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Вотъ нѣкоторые данныя изъ первой половины дѣятельности О. М. Достоевскаго—вторая и безъ того у всѣхъ въ памяти. Онъ родился въ 1822 г. въ Москвѣ, гдѣ его отецъ былъ врачомъ при Маринской больницѣ. Въ 1837 г. онъ поступилъ въ инженерное училище. Въ 1842 г. онъ поступилъ подпоручникомъ въ военную службу, но въ томъ же году оставилъ ее, чтобы безъ помѣхи отдаться литературѣ. Известно, какъ скоро и близко сошолся онъ съ Вѣликимъ, который сразу повялъ и оцѣнилъ его. Его первая повѣсть „Бѣдные люди“ (1846) сра-

зу дала ему литературное имя, которое въ то время добывалось нелегко. Въ 1849 году онъ былъ арестованъ и приговоренъ къ смертной казни; она въ назначенный для исполненія ея день была замѣнена 10-лѣтней каторгой. До 1854 г. онъ томился въ „мертвомъ домѣ“, въ Сибири; въ этомъ году перешолъ онъ рядовымъ на кавказъ, въ 1856 былъ помылованъ, возвращенъ къ жизни. Черезъ 2 года явились его „Записки изъ мертвораго дома“, а въ 1861 г. „Униженіе и оскорбленіе“. За тѣмъ послѣдовали „Преступленіе и наказаніе“, „Бѣса“, „Подорожковъ“, „Братья Карамазовы“.

Значеніе для города промышленно-техническаго музея.

Мысль объ устройствѣ въ нашемъ городѣ промышленно-техническаго музея возникла не разъ какъ среди самаго общества, такъ и въ мѣстной прессѣ; но, тѣмъ не менѣе, по недостатку средствъ и энергіи со стороны сочувствующихъ лицъ, до настоящаго времени не могла осуществиться въ дѣйствительности. Въ послѣднее время, та же самая идея возникла въ средѣ нашего мѣстнаго технического общества, и это послѣднее обратилось за помощью къ нашему мѣстному городскому управленію, съ просьбою на первыхъ порахъ, отвести хотя бы незначительное помѣщеніе для предполагаемаго музея въ городскомъ домѣ, на Николаевской площади. Городская управа передала просьбу технического общества на разсмотрѣніе комиссіи по перестройкѣ дома, которая пришла къ такому печальному заключенію:

„Признавая вполне полезнымъ и общественно интереснымъ для города содержаніе техническому обществу, комиссія не нашла возможнымъ проектировать помѣщеніе для музея въ главномъ зданіи, помѣстятъ же музей во флигелѣ не представляется удобнымъ“.

Итакъ, городское управленіе, въ лицѣ комиссіи, отказало обществу въ помѣщеніи для музея, хотя объ этомъ и глубоко сожалѣетъ.... Чѣмъ же комиссія предполагала занять зданіе главнаго фасада городского дома? Она предполагаетъ помѣстить въ немъ городскую управу, воинское присутствіе и сиротскій судъ. Но не отрицая пользы учрежденій подобнаго рода, какъ воинское присутствіе и сиротскій судъ, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, отвести помѣщеніе въ городскомъ домѣ не для

этихъ учрежденій, а для музея.

Учрежденіе музея является для нашего общества какою то новинкою, а многимъ даже кажется какою то пустою заботою досужихъ людей. Но взглянувъ на это дѣло правильно, не съ бытовательской, а съ европейской точки зрѣнія, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что школы, больницы и музеи составляютъ самыя важныя и въ первые признаки всякаго цивилизованнаго города. Многіе нѣмецкіе города, какъ напримѣръ Іена, Штутгартъ, Галле и т. п., число жителей которыхъ простирается не болѣе 10,000 (Іена, Галле и т. п.), имѣютъ свои музеи и ежегодно тратятъ на нихъ значительныя суммы,—тратятъ потому, что видятъ въ нихъ залогъ своего благосостоянія и будущаго широкаго развитія въ области торговли и промышленности. Такое воззрѣніе на промышленно-техническіе музеи вполне оправдывается тѣмъ, что въ нихъ тщательно сохраняется все то, чѣмъ богата родная страна,—всѣ произведенія природы наравнѣ съ произведеніями искусства рукъ человѣческихъ.... Такъ точно и въ нашемъ мѣстномъ музеѣ могло бы быть сосредоточено все то, чѣмъ богатъ нашъ югъ Россіи, центромъ котораго, въ промышленномъ отношеніи, является г. Харьковъ. Образцы камня, самыя разнообразныя, и модели послужили бы для устройствъ мостовыхъ. Въ настоящее время не рѣдко можно встрѣтить людей, довольствующихихся неудобными планами и безобразными фасадами при постройкѣ своихъ домовъ и все это потому, что нѣтъ возможности, хотя бы на рисункѣ, увидѣть что-либо хорошее и воплотить удобное! Недавно оконченъ у насъ водопроводъ—и мы не имѣли возможности видѣть ни образцовъ хорошаго чугуна, изъ котораго сдѣланы трубы, ни образцовъ цемента, которыми обдѣланы внутренности резервуаровъ? Намъ ставитъ крапы и мы, не выдавъ хорошихъ краповъ, охотно миримся съ дурными. Мы приобретаемъ самыя неуклюжіе пожарные инструменты, потому что не видѣли никогда хорошихъ! Мы строимъ безобразныя желѣзныя рѣшетки и не въ состояніи придумать что-либо болѣе красивое. Но до сихъ поръ не знакомы съ наилучшими системами вентиляторовъ, которыми пользуются всѣ жители Запада, такъ какъ намъ нигдѣ и никогда не приходилось видѣть ихъ. Мы совершенно невѣдательны въ выборѣ стеколъ для напихъ оконъ и до сихъ поръ еще не вставляемъ выпуклыхъ

одни изъ лучшихъ и красивыхъ номеровъ оперы; особенно красива лезгинка по своей темѣ, огнемому характеру и превосходной инструментовкѣ. Только ея вторая тема не исполнѣтъ грузнаго характера и напоминаетъ пѣсно, довольно часто исполняемую на еврейскихъ свадьбахъ. Пѣска женщинъ менѣе удачна, монотонна и много уступаетъ по красотѣ лезгинкѣ. Танцы прерываются снова раздающимися похороннымъ маршемъ, подъ звуки котораго вносятся тѣло убитаго князя. Начинаются причитанія, очень длинныя и утомительныя, причомъ видъ трупа въ саванѣ усиливаетъ тяжелое и неприятное впечатлѣніе этого совсѣмъ не сценическаго положенія. Среди этихъ причитаній красиво звучитъ только арія Демона съ хоромъ „Не плачь дитя“. Тѣло князя уносятъ, Тамара въ шезлонгѣ засыпаетъ и Демонъ поетъ ей романсъ „На воздушномъ океанѣ“, похочій болѣе на рассказъ, нѣсколько вычурный и дѣланый характеръ котораго звучитъ скорѣй странно, чѣмъ красиво и только отъ словъ „лишь ночь своимъ покровомъ“ принимаетъ характеръ кантатныя, пѣвучіе звуки которой и красиво инструментованый аккомпаниментъ выкупаютъ не совсѣмъ удачное начало. Вся послѣдующая сцена до ухода Тамары въ монастырь, за исключеніемъ нѣсколькихъ тактовъ красивыхъ фразъ Тамары и прочувствованныхъ словъ огорченнаго старика отца, до того однообразна и длинна, что вмѣсто сильнаго впечатлѣнія, какое должна производить эта трогательная сцена, она оставляетъ послѣ себя утомленіе и порядочную скуку, кото-

